

20 апреля – Светлое Христово Воскресение

БОГ ЛЮБИТ ЛЕС И ЧЕСТНЫЙ ТРУД

«Господь да будет свидетелем между нами,
что мы сделаем по слову Твоему!»

(Библия)

Место в раю не продается

20 апреля – Светлое Христово Воскресение. Настроим души и сердца на этот Великий праздник...

...В старинном Трапезном храме Троице-Сергиевой лавры работала Подмосковная экспедиция Института археологии РАН. Почва под фундаментом, когда-то укрепленная дубовыми сваями, проседала. Да и сами сваи из некогда могучего дерева от беспощадного времени подгнили.

Но ученые не замечали того, что во время раскопок земля в буквальном смысле слова уходила из-под их ног. Не замечали, так как были увлечены своей удивительной находкой. Они обнаружили 43 погребения! Иные покойники, как положено издревле, в колодах и со следами тканевого тлена (в остатках савана), другие – чуть ли не вповалку. Специалисты установили: это братские могилы защитников святой обители во время ее осады польскими войсками с 1608 по 1610 год.

По христианскому обычаю никаких погребальных даров покойнику не полагалось. Допускали только нательные кресты и небольшие горшочки-слезницы, куда помещали миро (ароматизированное

масло). Однако, если слезницы в колодах были, то кресты отсутствовали у всех поголовно. Вывод историков таков: люди носили скромные деревянные крестики, распространенные тогда на Руси. Поскольку почва тут очень кислая, то дерево сохраняется в виде тлена, а такой мелкий предмет, как крестик, «срастается» с колодой. Получается своего рода «деревянный сплав».

Кстати, найденные погребения – самые бедные, но и самые заслуженные. Дело в том, что раньше, впрочем, как и нынче, богатые пытались купить себе место в царстве Божиим, зарезервировав участок в некрополе лавры. Платили за «пропуск на тот свет» дорого – могли отдать даже две деревеньки вместе с крестьянами. Однако не всегда успевали попользоваться «удачным приобретением». Найдены пустые саркофаги, где на плите вместо даты захоронения – надпись, словно из меркантильного XXI века: «Место занято». А еще говорят, что свято место пусто не бывает.

«Самое, на мой взгляд, интересное погребение, - рассказывал научный сотрудник института А. Высоцкий, - мы датируем XIV в. Оно обычное, покойник лежит в колоде, закрытый саваном... Не стану утверждать, что этот человек был учеником или подвижником Сергия Радонежского, но то, что он знал Святого Сергия лично, сомнению не подлежит – колода соотносится со слоем дерново-подзолистой почвы. Той самой лесной почвы, на которую пришел Сергей.

И это неспроста – художник, занимающийся сейчас росписью в лавре, никак не мог сдвинуться с мертвой точки. Но, попросив у меня той самой земли, в которой был похоронен монах, он протер ею свои кисти и закончил 17 ликов всего за 7 дней...»

Кстати, о ликах и о бизнесе на святых сюжетах. Американец Джефф Зелфонд решил поехать в Россию, познакомиться с промысловиками-производителями деревянных сувениров на церковные темы. Сначала позвонил в знаменитое Федоскино и узнал, что самая дешевая шкатулка тянет на 500 долларов. Затем обратился в ЗАО «Сергиево-Посад». Взял несколько его красивых резных изделий для выставки в Бостоне. Договорился о заказе на партию из 5 тысяч изделий. Ударили по рукам и вдруг в последний момент россияне без объяснения причин взвинтили цену в два раза! Сделка, естественно, не состоялась.

- Вытащить многие ваши деревянные народные промыслы на мировой рынок очень трудно, - сказал мистер Зелфонд. – Дело требует вложений и при грамотном ведении бизнеса способно приносить большие деньги. Но то, что я встретил сейчас, - это джунгли. «Новые русские» жадны и невежественны. Это не по-божески и не по-человечески.

Монахи и лесоводы

Из «джунглей» перенесемся в тайгу. Так уж случилось, что жизнь Свято-Троицкого Антониево-Сийского монастыря в Архангельской области исторически и географически связана с лесом. Основан он в 1520 году на острове Михайловом. В древних книгах говорится о заповедной природе здешних мест: ожерелье из 76 озер, в чаще полно медведей. И всему владыка Отец-Лес – березы, сосны, ели, можжевельник, ковер из черники, морошки, грибов.

Там же поминаются «чернецы, лес рубящие». Жить-то им надо было – согреться, освободить землю под пашню.

...В наши дни, спустя почти полтысячи лет, у монастыря бытие, дай Бог каждому – серьезное хозяйство со своей экономикой и экологией. Тут две фермы, домашний скот, свои луга – сенокосы, лесосечные делянки. Настоятель игумен Трифон, переведенный сюда из Сыктывкара, прославился не только как Божий человек, но и как блестящий организатор.

Главное требование для трудников (слово-то какое хорошее!) и послушников – любовь к животным, ибо «блажен иже и скоты милует». Любовь эта распространилась на лошадей (их тут несколько десятков) и на ласковых (руки людям лижут) коровушек «Холмогорской» и «Кехетской» породы.

Сийскую сметану знали не только в районе, но и в Архангельске, и даже в Москве. В ней ложка стоит, и на хлеб она, как масло, мажется.

А кроме того, живность придавала теплоту строгому монастырскому уставу. Отец Трифон с братией, понимая это, решили вскорости построить у себя специальную церковь во имя Святого Великомученика Власия – покровителя животных.

Конечно, жизнь есть жизнь – домашний скот должен работать, чтобы не ленился и не вырождался. Приходится иногда и на бойню буренок возить. Хотя сама братия мяса не ест вовсе, ей и былинку-то в лесу порушить – большой грех. А вот те же трудники (их 70 человек), занятые на тяжелых работах при валке и трелевке древесины, говядину потребляют.

Молитвы молитвами, но кубы ворочать – не ангельское пение слушать. Тут без наваристых щей не обойдешься. Впрочем, о фауне достаточно, теперь – о флоре. В северном монастыре – теплицы с огурцами, сажают тут капусту, свеклу, картофель, морковку, укроп. Один трудник собирал фантастические урожаи помидоров вплоть до заморозков.

Да что там помидоры! Имеются в хозяйстве и калина, и малина, и смородина... Ананасов разве что не хватает.

Интересная деталь – монахи в своей прошлой мирской жизни практически все получили высшее образование, в основном техническое. Затем им пришлось переучиваться для общения с матушкой-природой. Литературу по сельскому и лесному хозяйству выписывали аж из столицы, за нашими грешными «перестроечными баталиями» на лесном фронте следили. Да и местные лесоводы рассказывали им, что и как в начальственных кабинетах происходит. Правда, монахи справедливо полагают, что все это, в «высших сферах», суета сует. А вот с соседями-лесниками они сотрудничали охотно и взаимовыгодно. Это не разговоры, это дело!

Вокруг раскинулся заповедник, его надо чистить от сухостоя. Монастырю же требуются и древесина (отапливаются тут дровами), и грибы, и ягоды, береста для поделок, деготь для врачевания животных и смазки упряжи, лекарственные травы для занятий медициной.

Вот и трудятся Божьи люди в северной тайге – на пользу лесу и себе во благо. Ведь их основная идея – независимость. Независимость, построенная на такой умной, честной и доходной работе, чтобы,

не надеясь на «доброе дядю», и себя обеспечить, и другим помогать. Нам бы в миру такую объединяющую идею!

Святые женщины

Однако хватит о материальном. Хочу рассказать читателям о двух настоящих рязанских мадоннах, о бессребреницах, творивших добро по велению чистой души, а не жадного кошелька.

Д. Рахимова вспоминает о своей прабабушке Васюте из села Бетино Рязанской области: «Многое умела она: и кровь остановить, и грыжу убрать, и любую болезнь отмолить. Каждая травинка была ей знакома, даже язык животных понимала. Пойдет, бывало, в лес за травами, а вокруг нее дикие звери собираются, идут рядом. Птицы на плечи и голову садятся, белки за руки хватают, зайцы под самые ноги скачут, глядишь, наступишь.

Как поведала мне моя мать, внучка Василисы, явилась той во сне сама Царица Небесная и благословила на помощь людям. Всего лишь коснулась ее головы, а наутро проснулась она совсем другой: весь мир понимает, во всем разбирается, молитвы от сердца знает, всех чувствует, все рецепты травные ей известны.

Вся деревня ее любила. Да и как не любить, когда чудеса на глазах являлись. Принесут, к примеру, умирающего, а она сразу бросается на колени перед образами со слезами и как за самого родного человека начинает Бога молить, чтобы помиловал и исцелил. Потом соберет травки и скажет, как пить. Глядишь, проходит какое-то время, а этот умирающий уже сам к ней идет на своих ногах благодарить. Только Василиса все эти благодарения дома не складывала, не брала, а самым бедным раздавала или велела отдать тому, кто в нужде пребывал».

Матушка Серафима, обитавшая при храме Казанской Божьей Матери, за свою веру прошла советские тюрьмы и лагеря. Вот что вспоминала эта святая женщина:

«Получила по приговору суда как монахиня в 1939 году 10 лет лесоповала. Отправили в Соликамск с этапом. Ох и трудный был этап. В дороге давали щепоть камсы и кусочек хлебушка – вот и весь пакет. А после комсички пить хочется, спасу нет.

На одной станции стояли три дня. Просим солдатика: «Водички бы нам». А он: «Я б вам принес, но тут поблизости нигде и болота нету». Но, слава Богу, доехали. Коми АССР, тайга, комары, мошка... А люду! Этап за этапом. Вышка на вышке. И везде заключенные. Бараков не было, жили под открытым небом. А холодно! Боже милосердный! И начал народ «ручки складывать». Ни гробов, ничего не было, прямо так закапывали...

Ну и живые стали закапываться. Наша бригада, тридцать женщин, выкопала большой глубокий погреб. И стали жить. Вшей всех повыгребли и хорошо так зажили. Но недолго радовались. Снова нас на этап, ох и жалели мы свой погреб, и еще дальше в тундру загнали. Стали лес валить. Десять лет как один день отбыла на лесоповале. И ни одна ветка меня даже не задела. А ведь там многие погибали. Видение мне было: отец покойный за меня помолился. Вот и уцелела. Слава Богу!»

А потом ходила по Руси от одного храма до другого. По городам и весям бродила сорок лет, неся слово Божье.

Да, одни несут добро в мир, другие – тащат добро у мира. Но, в конце концов, каждому воздастся по вере и по делам его...

...Ну, и в заключение – информация, так сказать, на злобу дня. Немецкий пенсионер из Заальфельда украсил растущую в его саду яблоню десятью тысячами пасхальных яиц, сообщает Associated Press. 76-летний Фолькер Крафт начал собирать коллекцию яиц еще в 1965 году, однако теперь решил остановиться и не пополнять ее.

По словам Крафта, его пасхальное собрание изначально состояло всего из 18 декоративных яиц. Затем ежегодно на Пасху он добавлял к ней еще несколько экземпляров – в изготовлении новых яиц для украшения дерева участвовала вся семья немца.

В 2013 году в коллекции Крафта было уже 9800 штук яиц, и тогда он заявлял, что пока не собирается останавливаться на достигнутом. Теперь он придерживается другого мнения. «У меня уже нет места для их хранения. Если так пойдет дальше, я буду вынужден спать с яйцами», - заявил с улыбкой пожилой немец. Что ж, светлая улыбка на Светлый Праздник – это то, что надо!

Подготовил Олег БОРИСОВ